

«ТЕАТР—МОЙ ДОМ»

Автобус, громоздкий и неуклюжий, осторожно пробирался по городским улицам. Алиса Бруновна, не отрываясь, смотрела на бегущий за окном огонь украшенных осенью деревьев.

— Сколько света... Хорошо, что пришла к вам в такие звонкие дни.

И, задумчиво помолчав, добавила:

— Город наполнен чуткой теплотой и добром. Я это уловила в зрителях сразу, на первой же встрече. Хотя наряд ли виной тому осень. Я в третий раз в Новосибирске, и какими бы ни были дни, зрители всегда встречают удивительным теплом и радушием. И пониманием. Это важно. Этих встреч я жду с особым волнением.

Народная артистка СССР, лауреат Государственной премии **АЛИСА БРУНОВНА ФРЕЙНДЛИХ** вместе со своими коллегами — актерами ленинградских театров — спешила в концертный зал музыкального училища. Там должен был состояться один из концертов, которые давали новосибирцам мастера искусства Ленинграда. В автобусе мы и продолжали начатый еще в гостинице разговор.

— Общение актера со зрителем ныне уже не ограничивается только показом спектаклей. Вот и этот ваш приезд, концерты на эстраде... Что такие взаимоотношения дают вам? Какого вы мнения о новосибирском зрителе?

— Встречи с людьми на заводах, в институтах, концерты на эстраде — разве сейчас может актер обойтись без них? Это для нас добрый заряд энергии, поиск новых сторон в творчестве. Без таких встреч мы беднее. Думаю, они обогащают не только наших зрителей, но и нас самих. Когда нам плохо — они вселяют в нас силы и уверенность. Когда радостно — разделяют эту радость.

В зрителе я вижу прежде всего помощника, точнее, помощника и строгого, умного судью. Вот исполняла на последнем концерте отрывок из «Преступления и наказания» Достоевского. Момент, когда Катерина Ивановна — одна из любимейших моих героинь — сходит с ума и погибает. И наблюдала тихонько за залом. Тихо, аж дождь за окном слышно. Переживают. Глаза горят болью и участием. Как радостно! Как интересно играть для них.

Зрителей, столь подоготовленных к встрече с театром, как в Новосибирске, сознаюсь, встречала не часто. Даже у нас, в Ленинграде, такие зрители прихотливы, намерены, лишь на премьерные спектакли. Что ж, у вас в городе глубокие театральные традиции, высокая зрительская культура, интересные театры. Думаю, в редком городе не слышали о «Красном факеле». Даже у нас, в театре имени Ленсовета, сейчас работают шесть актеров — бывших краснофакельцев.

— Вы как-то сказали: «Театр — мой дом». Когда надо было выбрать профессию — без колебаний выбрали театр. А ведь с его трудностями столкнулись еще в детстве...

— Про удачливого актера (странное определение, не правда ли?) говорят: «Его путь усыпан розами». И забывают, что розы — с шипами. Я с детства жила театром. Перед глазами был пример отца. Я радовалась вместе с ним его победам и старалась быть рядом, когда

приходили неудачи. Проблем театра, конечно, в детстве я еще не понимала, точнее, не знала. Но видела одно: служение театру — это тяжкий труд. Добрые плоды добывались упорством и работой, работой до самозабвения, до откровенности, до изнеможения. Наше поколение не выбирало легких профессий. В театр я пришла, твердо сознавая, что он потребует от меня полной отдачи души и сердца.

— В последние годы многие театральные актеры «вдруг» стали выходить на эстраду с песнями: или сами поют в теле- и кинофильмах, или записывают на диски исполняемые ими песни. Вышли

пластинки и с вашими записями. Что это — своеобразная мода? Создание более близкого нам, не «подкрашенного» героя? Или желание еще полнее раскрыть свое актерское «я»?

— Музыка — более эмоциональный вид искусства. В спектаклях она приобретает все большее значение. Вы, наверное, заметили, песни в драматических спектаклях стали полнопровными «героями». Во время действия наступает порой такой момент, создается такой сгусток чувств, что только песня позволяет им проявиться с силой и ясностью. Нет, для меня это не мода. Мне песня позволяет найти в зрителе понимающего собеседника. Послушайте, сколько силы таят, например, песни Дульсинеи, роль которой я исполняю в «Дульсинеи Тобосской». В них — драма человеческого сердца, порыв к свободе, благородство духа. В этом случае песня — добрый и необходимый по-

мощник. И почему бы не петь, если песня звучит в тебе.

— Алиса Бруновна, в последние годы ваши героини все больше приобретают комедийную «окраску». Значит ли это, что комедия заняла основное место в вашем творчестве?

— По жанру комедия мне ближе. Точнее, драма и комедия. И особого значения не имеет, классическое это произведение или современное. Главное, чтобы характер моей героини был в движении, чтобы чувствовалась внутренняя насыщенность ее, видна была борьба ее души. Ведь даже играя пьесы Шекспира, мы рассказываем о сегодняшнем дне, о характерах, страстях, нравственных поисках наших современников, вечной борьбе правды и лжи, добра и зла, борьбе человека с дурным в себе. Вечные вопросы. И безграничный поиск. Оттого, наверное, и дороги мне мои Дульсинея и Катерина Ивановна, Гелена из «Варшавской мелодии» и Ковалева, Катярина из «Укрощения строптивой» и даже Малыш из сказки Линдгрена.

— А бывали ли неудачи? Не вызывали ли они порой желание все бросить, хотя бы на время? Что рождает в душе?

— Неудачи были, конечно. Но я всегда их предчувствую заранее. Знаю, что роль, которую мне в силу так сказать, «производственной необходимости» приходится играть, не моя. И, если возможно, пытаюсь освободиться от этой роли. А если играю, то лишний раз убеждаюсь, что была права. Зрителя ведь не обманешь. Он чувствует всякую фальшь, неправду очень остро.

Трудно я начинала и в кино. Не все удавалось, никак долгое время, да и сейчас тоже, не могла уловить всю глубину специфики кино. В спектакле властвует «дрожащее» чувство: резкое, быстро изменяющееся, несколько гиперболизированное. В кино — тонкая выразительность, более глубокое чувство правды. Близкая кинокамера схватывает то, что в театре можно скрыть — нечаянный жест, плохое настроение, неудачный грим. Кино — строгое искусство. Потому я с радостью пробую себя в нем.

— И, судя по последним работам, особенно по «Служебному роману», удачно.

— Этот фильм — да. Но в кино мне труднее — я не вижу зрителя, его реакции, его поддержки. А он мне дорог, его добрый и внимательный взгляд нужен мне.

— Что же дает вам кино?

— Я лучше познаю себя. И жизнь. И себя в окружающем мире. И стараюсь играть правдивее, тоньше, ярче на сцене. Кино дало понять — не все свои творческие возможности я использовала. Буду играть. И все удачно еще аperi.

Гостью представлял
Е. ГЕНДЕЛЬМАН